

ЧТО ОБЩЕГО У ЦАРЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА И СЭРА ИСААКА НЬЮТОНА?

Рецензия на монографию А. П. Богданова «Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академичский проект, 2018»

Аннотация: Рецензия посвящена анализу проблем, поднятых в работе А. П. Богданова, о личности и роли в истории России царя Федора Алексеевича. В рецензии отмечены высокий профессионализм исследователя, научная объективность, пунктуальность и добросовестность в работе с источниками. Рецензент

указывает на главную мысль монографии — вопросы качества государственного менеджмента остаются крайне актуальными и в наши дни, на каком бы материале они не рассматривались.

Ключевые слова: Государственное управление, финансы, армия, церковь, история России, XVII век

Многовековая традиция переламывается очень трудно и долго. Для этого нужны если не столетия, то десятилетия как минимум, и усилия многих, многих людей. Нужны книги, статьи, выступления, лекции и учебники. Пока же всего этого очень и очень мало, поэтому каждое очередное усилие по переправке кривды в правду остается на вес золота.

Казалось бы, уже почти три века ведется спор о Петре I, его роли в русской истории и о его предшественниках. По сути, это спор о судьбе России. Были статьи, публикации документов, выходили книги (и больше всего рецензируемого здесь автора), доказывающие на основании источников, что до Петра I в России всё было, мягко говоря, не так плохо и глупо устроено, чтобы превозносить великого реформатора до небес за спасение

отечества фактически от гибели. Но вот что удивительно. Всё это как будто проскальзывает по поверхности общественного сознания и никак в нем не откладывается. Петр I непоколебимо остается на высочайшем пьедестале, а его отец царь Алексей Михайлович, старший брат царь Федор Алексеевич и, разумеется, ненавистная сестра царевна Софья Алексеевна — мелкими, едва заметными фигурками, прислоненными к подножию пьедестала своего родственника.

Так в чем же дело? Очевидно, спор об исторических фигурах трехсотлетней давности затрагивает что-то очень важное, даже болезненное в современной жизни, иначе он не был бы столь ожесточен, и не прикладывалось бы столько усилий, чтобы стереть из народной памяти факты о жизни предпетровской России, а попытки

рассказать правду не воспринимались бы как бунт, покушение на устои.

Перед нами еще одна такая попытка установить (в буквальном смысле этого слова, то есть поставить, утвердить) истину. Книга, как это явствует из названия, посвящена царю Федору Алексеевичу, старшему, сводному (от царицы Марии Ильиничны Милославской) брату Петра I, правившему с 1676 по 1682 годы. Пожалуй, это самое подробное и откровенное исследование о Федоре Алексеевиче из имеющихся на сегодняшний день (на разных языках).

Автор последовательно проходит вместе с читателем по всему жизненному пути своего героя, очевидно испытывая к нему симпатию (что совершенно обосновано), но не позволяя этому отношению хоть в малой степени погрешить против истины, повлиять на подбор и интерпретацию фактов. А работа у автора была поистине титаническая, поскольку не ограничивалась описанием известных и признанных в историографии казусов (чаще всего не первой степени важности), а была направлена на слом прочно утвердившихся ложных (даже можно сказать, лживых) представлений о реальной деятельности Федора Алексеевича, о конкретных его достижениях, о мотивах его государственной деятельности.

О первых Романовых написано немало литературы, научной и популярной, хотя, как было отмечено выше, Федору Алексеевичу в ней уделено на удивление мало места. Именно это обстоятельство заставило А. П. Богданова вновь обратиться к семье царя, подробностям женитьбы его родителей, рождения и воспитания царевича. Эти обстоятельства изложены в

первой главе чрезвычайно подробно, как показалось на первый взгляд, даже излишне. Однако, по прочтении этой части работы, возникает понимание, зачем автору понадобилось столь тщательно описывать детство и раннюю юность царевича Федора — ведь одно из главных обвинений его герою предъявляется в том, что он вступил на престол слишком молодым и неподготовленным к тяжелому труду управления доставшейся ему в наследство империей (именно империей была уже тогда Россия, и это тоже справедливо отмечается в работе (С. 182)). Кроме некорректности самой постановки вопроса о воцарении слишком юного государя (в неполные 15 лет, что не было исключением, а, скорее, правилом в европейских монархиях раннего Нового времени), автор своим исследованием личности Федора Алексеевича, сложившейся ко времени вступления на престол, доказывает, что царевич обладал не по годам высоким интеллектом, был отлично образован (для европейского монарха, разумеется, а не для университетского ученого) и сведущ именно в тех вопросах, которые ему предстояло решать, то есть в государственном управлении.

Мы опустим рассказы об игрушках и играх совсем ранних лет (С. 49–67). Но вот что занимало время и внимание царевича-подростка (из интеллектуальных областей, поскольку существовала и весьма серьезная физическая подготовка) (С. 64–67, 70–71). Федор Алексеевич получил прекрасное музыкальное образование, что объяснялось и его личными свойствами — любовью к музыке. В его распоряжении были музыкальные инструменты (после музыкальных шкатулок детства —

клавикорды, «октавки», «органы потешные» и иные «струменты» — царевич изучал нотную литературу (С. 71).

Но, разумеется, основным направлением в воспитании Федора Алексеевича было формирование его как государственного деятеля, как владетеля и управителя огромного Российского царства. Начиналось, если можно так сказать, с малого — с обычной хозяйственной деятельности, которая прививала навыки управления как таковые. «С ранних лет царевич знакомился с обширнейшим хозяйством государева двора, чтобы, вступив на престол, стать прежде всего хозяином — первым среди российских собственников. ... Одной из важнейших задач сначала мамок, а затем и дядек царевича Федора было предметное знакомство мальчика с тем, что они сами лучше всего знали, — с дворцовым хозяйством и всеми специалистами, которые его вели, ... будущий хозяин точно знал, что, как работает и кем управляется в необъятном хозяйстве дворца» (С. 74). Как справедливо отмечает А. П. Богданов, «царское хозяйство было моделью Российского царства» (С. 77), и Федор Алексеевич с малых лет постигал механизмы этой модели. Царевич оказался способным учеником, да и «программа» была составлена правильно, что объясняет разумность и эффективность преобразований, и в целом, ведения государственных дел ставшего царем Федора.

Но, разумеется, не меньший, если не больший упор в образовании Федора Алексеевича делался на развитие его интеллекта, на обретение им широкого кругозора, без чего невозможен адекватный, тем более, успешный государственный менеджмент. В программу его обучения

входили родословие и геральдика русских и зарубежных государей, отечественная и мировая история (которой особенно увлекался Федор Алексеевич), историософия, этнография, этика и так называемые свободные мудрости, то есть определенный комплекс современных ему научных дисциплин — грамматика, риторика, диалектика (логика), математика, геометрия, астрономия и гармония (то есть музыка, о чем уже говорилось выше (С. 79–85). Как и его старший брат, царевич Алексей Алексеевич, Федор знал языки польский и латинский — *lingua franca* науки и международных отношений в Европе XVII века (С. 87). Любопытно отметить, что две латинские книги были принесены из Посольского приказа в покои царевича Федора, когда ему было всего 11 лет. Возможно, Федор Алексеевич учил и немецкий язык (С. 88). Став старше и уже будучи государем, Федор Алексеевич продолжал читать историческую литературу на разных языках, увлекался историей церкви, богословием, архитектурой, дипломатическим этикетом, медициной, военным делом, в частности, артиллерией. И, разумеется, в его библиотеке были книги, переводные и на языке оригинала, по столь любимому им коневодству, основе кавалерии. (С. 68-70, 88). Этот портрет русского царя XVII века кажется нам немного (или совсем) нереальным, однако все факты строго подтверждены источниками.

Склонность к интеллектуальным занятиям, философии, широкий кругозор не могли не привести Федора Алексеевича, занявшего трон после смерти отца, к мыслям о реформах образования в России. О том, что царь Федор собирался

создать какую-то академию, да так и не создал, а получилась схоластическая греческая школа братьев Лихудов, известно любому, кто хоть что-то слышал о царе Федоре вообще. Однако тщательный, объективный анализ документов и литературы по этому вопросу, проведенный А. П. Богдановым, полностью переворачивает взгляд на эти события.

Царь Федор Алексеевич не собирался создавать учебное заведение, все предметы в котором были бы «замкнуты в одном кругу церковности», а о современных светских науках в то время «в умах не могло возникнуть и помышления», как полагал даже прекрасно знавший русскую историю XVII в. И. Е. Забелин, а за ним и многие другие исследователи (С. 94). В реальности все было как раз наоборот. За образец Федором Алексеевичем был взят современный ему европейский университет, на первом месте для него стояли светские «свободных учений мудрости», о чем ясно сказано в «Привилегии», или «Привилее» Московской Академии (т. е. университету. — О. Н.), грамоте, жалованной государем в 1682 г. В будущей Академии царь хотел «семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, начиная с грамматики, поэтики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной (что включало логику, метафизику и этику. — О. Н.), даже до богословия ... постановить. При том же учению правосудия духовного и мирского, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии ... составляется — быть!» (С. 95). В Академии предполагалось изучение классических языков — латыни, греческого, а также славянского и польского (С. 95).

Очевидной калькой с уставов европейских университетов была заявленная судебная и полицейская автономия Академии (С. 95).

Еще одной удивительной характеристикой Академии, которую задумал Федор Алексеевич, была ее всеобщность, причем бедным студентам предполагалось выплачивать государственную (вернее, государеву) стипендию (С. 96). По «Привилею» выпускники Академии назначались на высокие государственные посты. Пожалуй, нечто похожее (и то не полностью) появилось в России только в самом начале XIX века — Царское-сельский лицей. Читающему эти строки о плане Федора Алексеевича учредить подобное заведение в начале 80-х годов XVII века не может не явиться мысль о, мягко говоря, маниловщине государя, о его рассуждениях в кругу единомышленников в стиле «вот хорошо было бы, если бы было так!». Однако А. П. Богданов со всей убедительностью доказал, что «Привилей» был «утвержден, что это именно «постановление», «царская утвердительная грамота», выражающая волю суверена», имеющая все формальные признаки жалованной грамоты, одного из дипломатически наиболее устойчивых документов в XVII в.» (С. 96-97). Обращает на себя внимание и еще одна характерная черта просветительской деятельности Федора Алексеевича: в отличие от старшего брата, он не стремился полностью скопировать Запад, сделать Россию его неотличимой частью, а пытался обрести для нее собственное место в мире.

К огромному несчастью, Федор Алексеевич умер, не успев воплотить свой замысел в жизнь, чему в значительной

степени поспособствовал патриарх Иоаким, бывший ярким противником епархиальной реформы царя Федора и в такой же степени — независимого от церкви Университета.

Вопросы милосердия, милостыни, справедливости суда представляются на фоне других государственных проблем не самыми важными. Однако Федор Алексеевич, очевидно, знал одну банальную, но от того не менее верную истину: государство процветает там, где есть если даже не сама справедливость, но хотя бы отголоски ее. Если люди верят, что они живут в справедливо устроенном обществе, хотя бы справедливость не всегда полностью воплощается в жизнь, то это придает им мощнейший импульс к любой деятельности — хозяйственной, научной, культурной. Поэтому в указах Федора Алексеевича, издаваемых им с первого года царствования и до последнего, а также в оставшихся неосуществленными до конца из-за ранней смерти, столь большое место уделено милосердию и, в частности, справедливости в судебной и пенитенциарной системах. Так, проект создания воспитательных домов для, как теперь сказали бы, детей из неблагополучных семей и сирот, предусматривал обучение их разным ремеслам, которые были полезны государству и могли бы прокормить воспитанников в будущем. Этот проект, как и Привилей на Академию, не был бесплодным мечтанием, а уже начал осуществляться: указом Федора Алексеевича предписывалось построить богадельни при Знаменском монастыре в Китай-городе и на Гранатном дворе у Никитских ворот, причем тем же указом для богаделен создавалась основательная

материальная база — к ним приписывались вотчины церквей и монастырей. Два конкретных заведения рассматривались в указе как образцы для создания подобных же учреждений по всей стране, была приведена денежная смета, источники средств, росписи размещения нищих по монастырям (С. 103-104). При этом и здесь мы видим, вопреки распространенному мнению о Федоре Алексеевиче, как о некоем юродивом, блаженном, вполне практическое отношение даже и к милосердию — освоенные воспитанниками «спущенные» по «госзаказу» ремесла способствовали бы развитию отечественной промышленности и, тем самым, технологической независимости России от Запада.

В указах, посвященных наказанию тюремным заключением, выражены требования сократить сроки досудебного пребывания в приказных тюрьмах, более оперативно решать дела заключённых, отменить традиционные поборы с тюремных сидельцев и др. (С. 104-105).

Ключевым вопросом государственной деятельности Федора Алексеевича, как и любого правителя, был вопрос качества управления, структуры и техники государственного менеджмента. И здесь молодой государь проявил себя на удивление подготовленным и здравомыслящим руководителем. Одним из первых административных решений вступившего на престол Федора Алексеевича было расформирование приказа Тайных дел, надгосударственного органа, созданного царем Алексеем Михайловичем. Сложившаяся к середине XVII века приказная управленческая структура не требовала такого инструмента для повышения эффективности своей

работы. Деятельность приказа Тайных дел характеризует скорее не политическое развитие государства (как принято считать — усиление абсолютизма), а личные особенности царя Алексея Михайловича, деятельного, любознательного, с воспитанной в нем гиперответственностью за свою миссию российского православного государя, отвечающего за каждого человека и самое малое дело в своем царстве. В этих способах совершенствования управления особенно ярко проявилась разность характеров и менталитета отца и сына. Приказ Тайных дел был органом надзора, личного контроля государя над всеми учреждениями и чиновниками государства, однако он добавлял еще один уровень к вертикали власти, что на деле вело к потерям в информационных потоках. По всей видимости, Федор Алексеевич избрал другой способ управленческой практики и, несмотря на молодость, обладал большими организационными способностями, чем Алексей Михайлович. В своей управленческой деятельности он опирался на существующий государственный аппарат, прежде всего, активно сотрудничал с Боярской думой, задавая направление законодательной деятельности в той или иной области и доверяя довершить организованный им процесс Думе. Федор Алексеевич пошел по более эффективному пути расширения горизонтальных связей, увеличив состав Боярской думы — за время его царствования число думцев выросло с 66 до 99 человек (С. 108). Расширение высшего законодательного органа государства (кроме царя) было проведено не в угоду каким-либо группировкам, рвущимся к власти. Царю необходимы были квалифицированные кадры для интен-

сификации законотворческой деятельности, что и было им исполнено. В последующие годы на Боярскую думу возлагалось все больше законотворческой работы — обсуждения, редактирования законов, утверждения их, конечно, под верховным руководством государя. За время царствования Федора Алексеевича Боярская дума окончательно утвердилась как высший государственный орган, который практически не разделялся с царской властью. Эти годы характеризуются высокой степенью сбалансированности в полномочиях и их реализации между государем и Думой, без посягательств Думы на суверенитет государя и без стремления последнего серьезно ограничить компетенцию Думы.

Далее А. П. Богданов убедительно доказывает, насколько продуманными и ответственными были шаги, предпринятые молодым царем при модернизации высшего управления. Кроме расширения Думы, был проведен и своего рода переворот в системе придворной иерархии (еще до отмены местничества!). Теперь лиц царского двора выстраивали в разрядах исходя не из местнического старшинства, а из чина, а внутри чинов — по времени пожалования (С. 110). Автор подчеркивает, что подобная реформа прошла фактически незамеченной обществом, в целом, и заинтересованными лицами, в частности. Это убедительно свидетельствует о том, что реформирование высших властных структур шло не наперекор социуму, хотя бы его высшим сословиям, не навязывалось ему, а проводилось на основании доверия подданным, передач им реальных государственных функций при сохранении «блностительной» функции государя (С. 112-113).

Царю принадлежала и законодательная, и исполнительная власть во всей полноте, а также высшая судебная власть в стране. В ежедневной практике осуществление этой власти происходило, естественно, через посредство нескольких государственных институций и множество людей разных чинов. Главным инструментом управления была Боярская дума, но все большее значение при царе Федоре Алексеевиче приобретали так называемые боярские комиссии. Они и раньше, при предшественниках Федора Алексеевича, создавались на время отъезда государя из Москвы — в ближние «походы» на богомолье или дальние, например, военные. Разумеется, название «временная комиссия» — историографическое, до конца XVII века такие учреждения не имели названия и определялись оборотом: «А на Москве бояре...». Комиссия назначалась царем не из одних бояр, а из разных думных чинов, председательствовал в ней один из наиболее родовитых и старших по службе бояр. Назначением комиссии было управление столицей и государством по текущим делам, имевшим, так сказать, административные шаблоны решений. Если какое-либо дело выходило за рамки управленческой рутины, комиссия испрашивала распоряжений государя. Следует отметить, что при государе в походе тоже работала своего рода «малая Дума», из ограниченного числа думных людей. Работу этой походной Думы обеспечивала походная же канцелярия из нескольких подьячих во главе с дьяком (чаще всего разрядным). Между царем и столицей действовала постоянная связь. Создание и работа таких комиссий находились в полном соответствии с законами

управления. Для эффективного менеджмента — не важно, государственного или корпоративного, — как показывает и практика, и теория администрирования, число членов высшего управляющего органа должно находиться в пределах от 3 до 20 человек. Именно при таком числе управленцев решения принимаются с максимальной быстротой и в то же время обсуждаются достаточно тщательно. Понятно, что царь не был знаком с нынешней теорией управления, но правильное видение государственного устройства и механизмов административной машины привели Федора Алексеевича к решению сделать такие комиссии постоянно действующим органом, никак не противоречившим ни функциям царской власти, ни Боярской думы. Учреждение получило название Расправной, или Золотой (по месту заседаний в кремлевском дворце) палаты. Это было, как справедливо подчеркивает А. П. Богданов, первое русское правительство, получившее от царя «функции принимать исполнительные решения на основании законов»: «по указу Федора Алексеевича от 18 октября 1680 г. «боярам, и окольниковым, и думным людям сидеть в Палате, и слушать изо всех приказов спорных дел, и челобитные принимать, и его великого государя указ по тем делам и по челобитным чинить по его великого государя указу и по Уложению» (цит. по А. П. Богданову, С. 115).

Другим способом усиления эффективности государственного управления Федор Алексеевич избрал усовершенствование приказной структуры. В его царствование произошла перестройка центрального аппарата в направлении сокращения числа ведомств (с 43 до 38) и concentra-

ции административной деятельности по отраслям управления. (С. 116-118).

Очевидно, что постепенно, но целеустремленно перестраивая центральное управление, царь планировал реформировать и неразрывно связанное с первым местное управление. Федор Алексеевич указал отменить губное и другое местное выборное управление и заменить его центральным, воеводским. В данном случае исследователи спорят о правильности такого шага, потому что, по информации с мест, в одних областях жители жаловались на губных старост, в других — на воевод; и те, и другие обвинялись в должностных преступлениях, в вымогательстве, взятках, неправом суде. В любом случае, целью Федора Алексеевича была рационализация и унификация местного управления, которое должно было стать более четким и прозрачным для контроля, как со стороны местного населения, так и со стороны верховной власти. (С. 118–123). По всей видимости, административный аппарат России того времени не был еще готов отказаться от помощи выборных органов, поэтому борьба с воеводским самоуправством продолжалась до конца царствования Федора Алексеевича, а через два года после его смерти, в 1684 г. институт губных старост был восстановлен и просуществовал до 1702 г. Пожалуй, реформу местного управления 1679 года можно признать одной из редких не совсем удачных государственных перемен Федора Алексеевича, и здесь мне трудно согласиться с полностью положительной ее оценкой автора. Передача воеводам и их канцеляриям — приказным избам — управленческих функций приказов, центральных государственных учреждений,

на местах, и отмена многочисленных «из Москвы присыльщиков» выглядит более успешной, но и этот вопрос требует углубленного рассмотрения.

Однако не совсем корректная, с моей точки зрения, реформа 1679 года полностью компенсировалась действительно грандиозной фискальной реформой, проведенной в том же году — переходом от сошного письма к подворному налогообложению. После осуществления не менее грандиозной по масштабам и тщательности исполнения всеобъемлющей переписи дворов в Русском государстве жители были обязаны платить вместо значительного числа прямых налогов единый — так называемый стрелецкий. Но, пожалуй, главным в новой системе налогообложения было даже не упрощение сборов, а другие нововведения. Прежде всего, платежи разверстывали не по площади и качеству пахотной земли, а по дворам, что означало — по оценке имущества и масштабу промыслов дворовладельцев. С одной стороны, это сразу увеличивало число налогоплательщиков, с другой — вводило более справедливую систему раскладки налогов. Но еще важнее было то, что правительство устанавливало только общую сумму для определенной административной единицы, а конкретное распределение налогов поручалось самим плательщикам, вернее, выбранным ими лицам. Таким образом, верховная власть освобождала свой аппарат от лишних чиновников и лишней нагрузки и в то же время доверяла столь важную государственную функцию выборным народным органам, которые сами контролировали справедливость раскладки налогов (С. 124–126). Воеводы и их

приказные избы были от фискальных дел строго отделены. Царь даже полагал, что присланные им главы регионов должны жить на жалование из Москвы, а их сотрудники – на фиксированное жалование из пошлин, законно взимаемых за решение дел в приказных избах. Понимал ли царь, что с казнокрадством и поборами таким образом покончить нельзя? Разумеется, понимал. Характерен его диалог с патриархом о том, что не следует предавать пойманных за руку казнокрадов церковному проклятию, чтобы хотя бы души их не губить. Выявление и законное наказание виновных – функция царя, один Бог всемилостив, полагал Федор Алексеевич. Возможно, поэтому он возмутился, что его придворные пишут в прошениях-челобитных: «Умилосердися, как Бог». Милосердие власти царь видел в справедливости наказаний и их смягчении, в избегании лишней жестокости, а вовсе не во всепрощении. Он отменил членовредительные казни, но не избегал казней, запрещал ссылать в Сибирь женщин и детей, но не возбранял им ехать туда за осужденными мужьями и отцами.

Наконец, чтобы охарактеризовать общее направление государственной политики царя Федора Алексеевича, той атмосферы, которую он создавал в стране, уровня его как государственного деятеля, следует упомянуть еще о двух реформах. Первая их них на удивление мало известна даже специалистам. Создается впечатление, что ее проведение просто намеренно замалчивается в историографии. А ведь по своему смыслу и уровню государственного мышления она стоит на одном из первых мест в европейской истории XVII в. Развитие российской

экономики, рост народного хозяйства требовали увеличения денежной массы, а с драгоценными металлами, как и раньше, в России дела обстояли плохо. Уже испытанным решением вопроса был масштабный выпуск в 1681 г. монет с одновременным снижением в них содержания серебра. Эта финансовая акция не может не вызвать в памяти такую же акцию царя Алексея Михайловича 1654-1662 гг., приведшую страну на край финансового коллапса и закончившуюся Медным бунтом 1662 г. Однако при Федоре Алексеевиче ничего подобного, как мы знаем, не произошло, хотя население выказывало недовольство. Как отмечает А. П. Богданов, «более того, финансовая система государства оставалась стабильной, а ожидаемая в таких случаях инфляция не развернулась» (С. 137). А «секрет» этой акции, был, с одной стороны, прост, а с другой, очень и очень сложен, оказавшись под силу лишь малому числу государственных деятелей той эпохи, да и последующих. «В отличие от отца, — пишет А. П. Богданов, — Федор Алексеевич не искал дополнительных выгод для государства, кроме очевидной возможности платить по счетам увеличившимся числом монет. Обязательств казны перед запуском расширенной эмиссии было больше, чем наличных». Но самое главное, что «той же монетой можно было платить все прямые и косвенные налоги: царь отлично понял печальный урок отца, который хотел платить людям медью, а брать от них серебром. Старые деньги **в том же номинале** (подчеркнуто мною. — *О. Н.*) постепенно изымались и перерабатывались в новые, но государство не делало в них различия. Еще более важно, что казенные тарифы

не изменились: государство готово было получать меньше веса серебра по всем сборам. И, раз так, народ согласился, что для него, как и для казны, главным будет номинал, но не вес монеты» (С. 137–138).

Денежная реформа Федора Алексеевича 1681 года почти полностью совпадает с Великой перечеканкой, проведенной Исааком Ньютоном (назначенным тогда хранителем, а затем директором Монетного двора) в Англии, только почти через полтора десятилетия после реформы Федора Алексеевича, в 1695-1696 гг. Отличия в тактике проведения реформ, естественно, существовали. Первым отличием было то, что английское правительство задумало выпускать новые монеты из серебра. Вторым отличием было то, где черпали правительства необходимый для выпуска монет драгоценный металл. Как и русская казна, английская не обладала необходимым серебряным фондом для чеканки такого огромного количества новых монет. Правительство обратилось к иностранным займам, прежде всего в Нидерландах, которые и получило. Расчет нидерландских финансистов, торговцев и предпринимателей был в том, чтобы, во-первых, поддержать Англию в противовес Испании и Франции, и, во-вторых, приобрести по очень выгодным ценам изготовленные на английском Монетном дворе серебряные монеты высокого качества для торговли с восточными странами, купцы которых принимали только такие деньги. Те же мотивы послужили причиной выдачи займов и другими государствами. В России получить займы у иностранных государств, по разным причинам, не смогли, поэтому правительству Федора Алексеевича пришлось привлечь

серебряные ресурсы путем скупки иностранной серебряной монеты и серебряного «клома» (С. 135). Этого, разумеется, не хватило на выпуск высококачественной серебряной монеты, но оказалось достаточно для чеканки большого числа денег с частичной долей серебра. Последнее обстоятельство, естественно, ослабило позиции русского правительства в сравнении с английским. Однако главный, решающий фактор обеих реформ, ставящий их на один уровень и резко выделяющий из всех других финансовых преобразований раннего Нового времени, заключался в самой их сути: оздоровление экономики государства проводилось не за счет ограбления населения, а за счет повышения его покупательной способности, так как обмен производился по номиналу, и финансирование этого обмена ложилось на правительство, которое, по факту, и было ответственно за доведение страны до кризиса. Еще раз хочется отметить, что и о Великой перечеканке в историографии предпочитают не распространяться, но финансовая реформа Федора Алексеевича 1681 года вообще стерта из исторической памяти.

Недостаток серебра для наполнения рынка качественной монетой помешал до конца довести начатую Федором Алексеевичем реформу и собрать налоги в полном объеме. Как справедливо замечает А. П. Богданов, правительство могло пойти по двум путям. «Традиционный — выбивать силой. Именно этим путем пойдет Петр I, сумев уже к середине царствования сократить число крестьянских дворов в России на 19,5%» (С. 138). У Федора Алексеевича был весьма оригинальный подход к решению той же про-

блемы, редко встречающийся и поныне: «благо государства — это прежде всего благосостояние его подданных» (С. 138). За неимением иностранных займов Федор Алексеевич, как теперь бы сказали, переструктурировал фискальные обязательства населения. Для начала он своим указом простил недоимки 1676-1679 гг. и распорядился собирать прямой налог по новому окладу, для чего была пересмотрена система налогообложения на всей территории Русского государства. Опираясь на сведения, полученные от вызванных в Москву выборных посадских и комиссии купцов, Федор Алексеевич объявил об уменьшении общей суммы прямых налогов и новом распределении их по областям в зависимости от экономического положения каждой территориальной налоговой единицы. «Принцип уровня развития региона стал основой налоговой концепции» (С. 139-140). Стоит особо отметить, что и эта реформа, как и многие другие, вопреки распространенному мнению, пережила своего создателя, оказавшись столь удачной, что «продержалась до первой четверти XVIII в.» (С. 140).

Царствование Федора Алексеевича, хоть и краткое, было также «богато» на войны, как и царствования его отца и деда. Поэтому военные вопросы стояли едва ли не на первом месте в деятельности Федора Алексеевича, во всяком случае, вынужденно занимали огромную часть его государственных занятий, хотя склад его характера был, как представляется из книги А. П. Богданова, далеким от всеобъемлющего увлечения военными практиками. Тем не менее, в той же степени его невозможно назвать пацифистом, бегущим от участия в военных делах, укло-

няющегося от решения насущных проблем строения армии и защиты Русского государства. Скорее напротив, не столько демонстративная, ярая, как у старшего брата, деятельность Федора Алексеевича в этой области привела к не меньшим позитивным сдвигам и успехам.

Пожалуй, наиболее яркой и, как ни странно, по-прежнему спорной остается военно-окружная реформа царя Федора. Исследование А. П. Богданова, как представляется, ставит, наконец, все точки над *i* в этом вопросе.

Ценой уступки Чигирина в 1678 г. (С. 146–190) Федору Алексеевичу удалось остановить войну (формально еще продолжавшуюся в 1679–1681 гг.). Это дало возможно осуществить реформы, речь о которых шла выше, а также, разумеется, в военной сфере. Уроки, извлеченные из русско-турецкой войны (1673–1681), указывали на те направления, в которых должны были проходить реформы в армии. Стержневым вопросом было изменение ее структуры. Как справедливо отмечает А. П. Богданов, эти реформы Федора Алексеевича «хотя и упоминаются в литературе, рисуются достаточно туманно, чтобы читатель не отдавал себе ясного отчета, что именно разрушал и что «впервые» создавал в армии Петр I» (С. 197).

Реформу армии, получившую в историографии название военно-окружной, царь Федор Алексеевич начал с расформирования тех регулярных полков «служилых по прибору», созданных его отцом, которые получили не самое удачное устройство, окрестянулись и потому показали невысокое качество своей службы — драгуны и солдаты в южных и се-

веро-западных уездах, а также в Сибири (С. 197).

В 1679 г. был проведен общегосударственный «разбор» (аттестация) всех военнослужащих, то есть служилых и по отечеству, и по прибору. В зависимости от нескольких факторов (материального, обеспеченности землей, жалованьем, вооружением и т. п.) служилые люди были распределены по родам войск: в первую очередь, в «полковую» (то есть действительную) службу были определены ратные люди регулярных полков, несшие постоянную пограничную службу. При этом служилые по отечеству (дворяне) записывались в кавалерию, а приборные, а также даточные или вольные люди из податных сословных групп — в пехоту. Адекватно воспринимая возможности государственной казны, верховная власть определила преимущественное содержание для первой группы с земли, второй — преимущественно из государева жалованья (при этом как в первой группе осуществлялась денежная поддержка дворян, так и во второй группе предоставлялась земля для поддержания благосостояния ратных людей низших категорий). Все прочие уездные, городские служилые люди старых чинов были также расписаны по регулярным полкам согласно тем же критериям. Следует отметить, что «разбор» проводился крайне жестко (С. 203); после завершения реформы «служилого города» почти не осталось, армия получила регулярный характер, а численно стала одной из самых крупных армий в Европе (не считая Турции) (С. 205).

Как старый род войск были сохранены только московские стрельцы, но и они были реформированы: пятисотенные

приказы были слиты в тысячные полки, новые наименования, соответственно, получили их командиры (сотники стали капитанами, полуголовы — полуполковниками, или подполковниками, головы — полковниками).

Второе слово в названии реформы — «окружная» — указывает на территориальные преобразования в строении армии. Вся территория России, на которой существовало помещичье землевладение, была поделена на 12 разрядов (военных округов), со специальной внутренней организацией, наиболее эффективно отвечающей военным вызовам того времени (через два года, в 1682 г. для удобства управления Тамбовский разряд был соединен с Белгородским, и округов стало 11). На чернососных крестьян ложилась обязанность содержать выборных солдат. Таким образом, в результате военно-окружной реформы было создано единое «надроссийское», или всероссийское войско, относительно унифицированная регулярная армия (что убедительно доказано А. П. Богдановым — см. с. 205–227), а военные округа (разряды), существовавшие ранее только по границам государства, распространились на всю европейскую территорию страны. Это дало возможность более эффективной мобилизации армии в случае военной угрозы. Перевод командования большим разрядным полком на постоянное дислоцирование в соответствующий разряд приблизил его к войску, что обеспечивало большую скорость и эффективность управления и в целом повышало боеспособность всей армии. В таком составе и порядке разряды и разрядные полки просуществовали до XVIII в. Разумеется, у реформы были

и недостатки (по финансовым соображениям не была полностью ликвидирована поместная конница, не были упразднены до конца и некоторые старые городские чины — стрельцы, пушкари и т. п.), однако в целом русская армия встала на новый, гораздо более высокий уровень, при этом следует особо отметить, продолжая, а не ломая те преобразования, которые производились предшественниками.

Наконец, еще одно мероприятие царя Федора, опять же, как это ни странно после выхода значительного числа фундаментальных исследований, продолжает оставаться мифом. Речь идет о системе наместнических титулов, введенной Федором Алексеевичем в 1680 г. Главный тезис противников и хулителей этой реформы как будто эхом вторит словам историка XIX в. Е. Е. Замысловского: «Предложение бояр о разделении России на наместничества», с титулами, жалуемыми «навечно» (С. 288-289). И ведь при обилии документов эта ложь повторяется снова и снова. Суть же введения системы наместнических титулов была, мягко говоря, крайне далека от указанной. Эта реорганизация была неразрывно связана (как, впрочем, и все преобразования царя Федора, будто подчиненные единому, изначально задуманному плану) с его окружной реформой и, в частности, с введением новых воинских командирских званий. Новые должности должны были непротиворечиво соединиться со старой чиновной иерархией государева двора, не круша, не ломая ее, а как бы проникая в нее, сплетаясь с ней. Наместнические титулы (по названиям соответствующих городов) звучали, может быть, архаично (поскольку исполь-

зовались в дипломатической практике уже не первое столетие), не на западный манер, но тем и были хороши. Система титулов, построенная на таком основании, уходила корнями в историю и административную практику страны и не вызывала отторжения. Реформа затрагивала только служилое сословие, то есть высший административный и военный аппарат государства, структурируя его по-новому, в соответствии с задачами государства Нового времени. Титулы жаловались администраторам, дипломатам и командирам на время исполнения ими назначенной им должности, царского поручения. «К власти на означенных в титуле местах (Выделено автором. — О. Н.), как предполагали исследователи, вопреки всем документам, титул XVII в. никакого отношения не имел» (С. 273). Замысел Федора Алексеевича состоял в том, чтобы четко выстроенная иерархия наместнических титулов не была привязана к родовой знатности. Это сразу позволило верховной власти эффективнее и гибче использовать все имеющиеся в ее распоряжении кадры, исходя из государственной пользы служилого человека — как из старых знатных родов, так и из старых, но не родовитых, и из совсем новых, — то есть повысить эффективность государственного управления. Интересно отметить, что система наместнических титулов отнюдь не была с порога отвергнута радикальным реформатором Петром I, а использовалась им до 1706 г. (С. 272-273).

Безусловно, введение системы наместнических титулов (ставшей основой Табели о рангах 1722 г.) было серьезно подкреплено отменой местничества в

1682 г. Этот институт когда-то, при складывании единого Русского государства и, соответственно, двора Великого князя Владимиро-Суздальской, а затем Московской Руси, сыграл необходимую и важную роль в установлении системы соподчинения, «уряжания» старой московской знати и вновь прибывающих к великокняжескому двору представителей удельных княжеств. Без системы местничества, выстраивавшей в сложном, но понятном и строгом порядке знать, а, следовательно, и военные силы, и земельные отношения, при великокняжеском дворе воцарился бы хаос. Но со временем, с укреплением единого государства и царской власти, с постепенным уравниванием всех родовитых людей как подданных великого государя (при всем различии их по знатности происхождения), необходимость в таком инструменте регулирования отношений «царских слуг» все более очевидно становилась ненужной, архаичной. Но, как известно, с традициями расставаться тяжелее всего, и местничество продолжало свой инерционный путь и в XVII веке, в совсем неподходящих для него условиях. Собственно, отсутствие какого бы то ни было сопротивления элит, в том числе родовитой знати, отмене местничества подтверждает тот факт, что внутренне они были готовы к нему. При этом отмена местничества отнюдь не означала ликвидации самого понятия знатности, благородства происхождения и даже связанных с этим привилегий, на что указывает распоряжение царя о создании новых родословных книг и Палаты родословных дел. Тем не менее, именно Федор Алексеевич был тем государственным деятелем, кото-

рый упразднил местничество, расчистив путь для развития и нового государственного аппарата, и новой армии (С. 277).

Огромную роль в раннее Новое время в Европе, в том числе и в России, играла церковь, разумеется, в каждой стране — по-разному. Так исторически сложилось, что в России она не получила собственной политической структуры, а стала частью государства. Взаимоотношения власти и церкви, а через них — понимание властью того места, которая она занимает в стране и даже в мире, структуры государства, которое власть хотела выстроить или реально выстраивала, детально и новаторски рассмотрены А. П. Богдановым в главе «Православный самодержец». Проследивая чины венчания с XV века до Федора Алексеевича и его младших братьев, а также церковную, то есть идеологическую политику русских самодержцев, автор доказывает, что «поиск... реального объяснения изменений в коронационном действе ведет к смысловой стороне ритуала, разрабатывавшегося прежде всего как *торжественное утверждение суверенных, державных основ верховной власти*. ... Венчания российских государей никогда не имели практического, связанного с конкретной политической борьбой значения, они служили лишь оформлением уже решенного вопроса о престолонаследии и устраивались *после* реального воцарения» (Выделено автором. — О. Н.) (С. 305).

На каком же месте видел Россию царь Федор, какую роль в тогдашней геополитике он ей прочил, исходя из информации, заключенной в чине его венчания? Главной идеей, пропагандируемой

в чине венчания Федора Алексеевича, была идея, в самом сжатом виде, о сакрализации царской власти, ее божественном происхождении. Причем, с опорой на восточную православную традицию, понятие сакральности, богоизбранности переносилось на всю православную церковь, а не только русскую. Это означало, что Русское государство было единственным православным царством на земле, а потому только оно одно было способно «утвердить свою основу и миссию в качестве прообраза и предтечи земного царства Христа в мире православия». А, значит, Россия являлась центром не только вселенной православной, но и не православной, как миссионер, «несущий свет истинной веры по всей ойкумене, до концов земли» (С. 349–350). При этом церковь и государство объявлялись неразделимыми, не существующими одна без другой частями единого целого. Новая концепция Российского государства утверждала его исконную независимость и полную суверенность в мире. Фактически, это был образ империи.

Очень интересно в этом отношении замечание А. П. Богданова о терзающей умы историков (и не только) проблеме западных заимствований в России во второй половине XVII века. Исходя из выявленной автором концепции русского государства Федора Алексеевича, она позволяла и самому государю, и всем его подданным относиться к европейскому наследию, к любым заимствованиям из Рима или Константинополя легко и благосклонно: «ну, пусть, Российскому царству и такое наследство пригодится» (С. 351). И здесь автор напоминает о мысли первого русского митрополита Илларио-

на, указавшего в своем «Слове о законе и благодати», что, хотя князья просветили Русь крещением, но они и раньше «не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Руской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»¹. Эта мысль, по мнению А. П. Богданова, «получила в концепции царя Федора блестящее воплощение» (С. 351, сн. 1).

Книга А. П. Богданова, как всякое талантливое произведение, выходит за границы узкой темы, обозначенной в заголовке (вроде бы биография царя Федора Алексеевича с некоторым противопоставлением его Петру I). Разумеется, книга шире — она о судьбе России.

Я оставляю за скобками вопрос о личном участии царя Федора в государственном управлении и, якобы его несостоятельности на этом поприще. Работы многих исследователей, и главным образом именно А. П. Богданова, давно развеяли эту ложь. Вопрос в другом: *Cui prodest?* Кому выгодно стирание из памяти народа одного из важнейших периодов его истории — царствования Федора Алексеевича и, добавим, столь же важного периода регентства царевны Софьи Алексеевны? Последнее можно легко объяснить враждой и ненавистью к старшей сестре Петра I, сделавшего все, чтобы память не только о достижениях царевны, но и вообще о времени ее правления была забыта. Такого отрицательного отношения к Федору Алексеевичу у Петра вроде бы не было, однако ненависть к московской старине, жесткое противопоставление всего отечественного западному в пользу последнего,

¹ *Митрополит Илларион. Слово о законе и благодати.* М., 2011. С. 81.

конечно, не могли не сказаться на отношении Петра и к отцу, и к брату. От него началось то незаметное сначала умолчание о достижениях предшественников при одновременном возвеличивании своих успехов, реальных или мнимых, а затем, постепенно, за этим самовосславлением фигуры отца и брата утратились вовсе. Петра понять можно. Но почему этот вектор не ослаб с его смертью, а продолжал только нарастать? Кому потом было выгодно поддерживать эту точку зрения? Мне думается, той элите, которую удалось создать Петру — ментально, культурно оторванной от основной массы населения, от народа. С течением времени именно эта ситуация усугублялась, превращая две части одного народа в разные социальные пласты, даже говорившие на разных языках. В отличие от предшественников, которые, несмотря на жесткие, порой жестокие социальные противоречия, через земские соборы, собрания выборных, челобитные поддерживали связь с народом, Петр начал свои реформы, оторвав правящее сословие от народа.

Важное наблюдение сделал А. П. Богданов в отношении того, что до Петра будто бы не было никакой современной истории, а была некая общая древняя история России, например, применительно к внешней политике. И только с первого императора начинается осмысленная политика, действуют дипломаты или царская воля. А до него историки исходят «из принципиального представления о безличности русской внешней политики... Не нужно думать, какие мысли, на основе какой информации имели люди в Москве, если осмысленной политики не было, а события развивались сами по

себе». (С. 178). Но при обращении к документам и зарубежная информация, о свежести которой особо заботился царь, и внешнеполитические замыслы, и яркие дипломаты вдруг появляются задолго до реформ Петра, а первым из них выступает сам государь.

Все эти рассуждения о фигуре Федора Алексеевича, о его реформах, его личности, могли бы быть пустословными, несмотря на цитаты из документов, включенные в текст. Но в таком деле, как восстановление исторической справедливости, цитат мало, и автор прекрасно понимает это. В такой ситуации главное — факты, много фактов. Исследование А. П. Богданова выстроено на огромном источниковом основании. Методично автор отработывает отдельные темы (воцарение Федора Алексеевича, его воспитание, реформы образования, государственного управления, армии, руководство военными действиями, отношения с церковью и т. п.), выстраивая их в соответствующую иерархию государственных ценностей. Тем самым выстраивается и реальное здание Российского государства в правление Федора Алексеевича. Но и приведенных в тексте фактов автору кажется мало (и, очевидно, вполне правомерно). Почти половину объема книги составляют публикации известных и вновь открытых А. П. Богдановым документов — целиком, без лакун, изъятий, сокращений. Ведь главная характеристика научности исследования — его верифицируемость. Читатель может сверить авторские цитаты с полными текстами и убедиться, что ничего не подтасовано, не «подогнано» под авторскую концепцию, а ровно наоборот — вчитываясь, вникая в источники,

исследователь постигал суть поставленных перед самим собой проблем.

Вывод, к которому приходит автор, не всем понравится. Можно сказать, весь вопрос в том, как братья Федор и Петр понимали слово «государство». Если для первого это было общество, народ, собрание реальных, живых, страждущих людей, благо которых складывалось в благо всей державы, то для второго — государство сводилось (несмотря на громкие и назойливые возгласания о государственной пользе) к узкому правящему слою, его благополучию; причем власть глубоко презирала народ, что и вело к неисчислимым и часто бессмысленным жертвам простых людей во имя «высокой» идеи. Существует известное высказывание, относящееся к декабристам: «Для народа, но без народа». Федор, который, разумеется, не был ангелом во плоти и идеалом государя, все-таки действовал — если и не для всего народа, то для большей его части, если не вместе с народом, то в главном русле его чаяний. Российское государство той эпохи не было «городом-солнцем», но

указы царя Федора реально работали, существовала связь правящей элиты с народом. Есть все основания экстраполировать на страну периода царствования Федора Алексеевича известное выражение А. Д. Градовского относительно приказного управления XVII века, которое, по мнению ученого, представляло собой систему «полного доверия к служащему сословию в совокупности и отдельному чиновнику в частности»². Петр воплощал свой идеал государства просто — «без народа». А вернее, «народом» (в творительном падеже) — как бездушным инструментом, стройматериалом. Эта петровская позиция элиты по отношению к людям, страх опереться на народ, «государство недоверия» живы до сих пор, и в этом, думается, разгадка неумеренного возвеличивания Петра I и столь же рьяного стирания из русской исторической памяти образа царя Федора Алексеевича.

Вот такая крамольная книга.

---

² Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1899. С. 77.

Библиография

Литература

1. Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Собрание сочинений. Т. 1. СПб, 1899.
2. Митрополит Илларион. Слово о законе и благодати. М., 2011.

Сведения об авторе

Новохатко Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН, г. Москва (Россия).

Область научных интересов: история государственных учреждений и государственного управления в России XVII века, история архитектуры, коммуникации в России раннего Нового времени, русская палеография

E-mail: 1808845@mail.ru

WHAT DO THE KING THEODORE A. AND SIR ISAAC NEWTON HAVE IN COMMON?

Review of the monograph by A. P. Bogdanov "Tsar-reformer Theodore A.: older brother Peter I. M.: Akademicheskii project, 2018"

Annotation: The review is devoted to the analysis of the problems raised in A. P. Bogdanov's research about the personality and the role in history of Russian Tsar Fedor Alekseevich. In the review the author notes the high professionalism of researchers, scientific objectivity, punctuality and integrity in the work with sources. The reviewer points to the main idea of the monograph - the quality of state management issues are highly relevant in our days, without reference to the material they are based at.

Keywords: public administration, finance, the military, the church, the history of Russia, XVII century

---

References

Researches:

1. *Gradovskiy A. D.* Vysshaya administratsiya Rossii XVIII st. i general-prokurory [The highest administration of Russia of the XVIII century and Attorney General] // Sobraniye sochineniy. T. 1. SPb., 1899. (In Russian).
  2. *Mitropolit Illarion.* Slovo o zakone i blagodati [A narrative of law and grace]. M., 2011. (In Russian).
-

About the author:

Novohatko Olga V., doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).

E-mail: 1808845@mail.ru